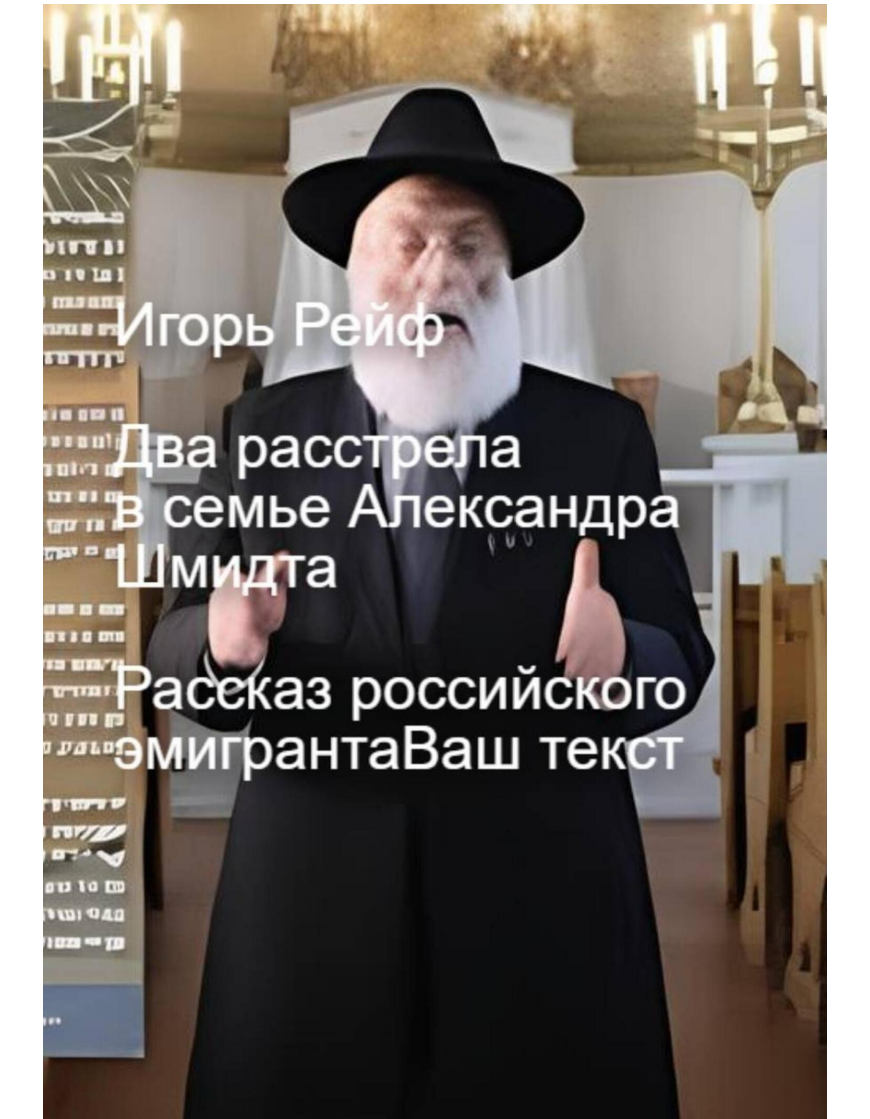

A man with a long white beard, wearing a black Orthodox clerical robe and a black hat, stands in a church. He is gesturing with both hands. The background shows church pews and ornate chandeliers.

Игорь Рейф

Два расстрела
в семье Александра
Шмидта

Расеказ российского
эмигрантаВаш текст

Игорь Рейф

Два расстрела в семье

Александра Шмидта. Рассказ

российского эмигранта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72525568

SelfPub; 2025

Аннотация

Но теперь я и сам вошёл уже в возраст моих расстрелянных дедов. И чем становишься старше, тем крепче эти невидимо связующие меня с ними нити. Особенно часто я думаю об этом с тех пор, как переселился сюда, в Германию. Ведь я приехал из страны, которая во имя каких-то неведомых “высших” государственных интересов уничтожила когда-то скромного, незаметного кантора – моего дедушку Мойше Гуртенберга. И вот теперь я получил приют в другой стране, откуда, примерно в те же годы, пришли вооружённые люди, чтобы убить другого моего деда – Менделя Шмидта. Скажете, ирония судьбы? А на самом деле в мире нет и не может быть никакой правды выше правды обыкновенного, простого человека, который растит хлеб, учит детей в школе, работает в кузнице, как мой дед Мендель Шмидт, или поёт в церкви, как Мойше Гуртенберг. В Германии это, кажется, слава богу, поняли. Поймут ли когда-нибудь в России?

Игорь Рейф

Два расстрела в семье Александра Шмидта. Рассказ российского эмигранта

Мой дед по отцу Мендель Шмидт в полном соответствии со своей фамилией был деревенским кузнецом. Местечко это называлось Сенно, в Белоруссии, в 40 км от Орши. Очаровательное, скажу я вам, местечко с редкой по красоте природой. Но посёлок был не маленький – человек в 200-300 жителей с собственной церковью и своей синагогой. А что такое кузнец в полудеревенском быту, думаю, объяснять не нужно – половина деревенского сервиса вплоть до самой тонкой, едва ли не ювелирной работы. Так что не удивительно, что с моим дедом сельчане считались и, скажу больше, любили. Жаль только, ни одной фотографии от него у меня не осталось. Да что фотографии – не сохранилось ничего вообще: ни дома, ни вещей, ни того, что принято называть семейными реликвиями. Только жалкий клочок бросовой земли метров пять на десять, огороженной покосившимся штакетником.

Да, мерзость запустения – вот что застали мы с братом,

когда приехали в 72-м году из Москвы на эту заброшенную братскую могилу. Даже таблички с именами расстрелянных не потрудились местные власти поставить на месте этого захоронения. Не знаю, может, и наша доля тут вины, что не нашли времени выбраться раньше того срока. Да ведь вы и сами знаете эту нашу суматошную столичную жизнь: то дети, то болезни, то переезды с ремонтами. И всё это поджигает, торопит. Ну а мёртвые, они ведь молчат и вроде бы ничего не требуют...

Но тут как раз у брата подошла очередь на первую модель “Жигулей”, и мы дали себе слово в ближайшее лето съездить обязательно. И отправились. В пути Изя всё вспоминал, как ребёнком привозили его в это Сенно на лето (он ведь старше меня на 7 лет, так что всё отлично помнил). И как купался в озере в излучине реки. И как бабушка закармливала его клубникой с деревенскими сливками, а по кошерным дням, тайком от деда, заводила в чуланчик за кухней и совала в руки кусок домашнего хлеба с маслом – чтобы городской ребенок не дай Бог не соскучился на пресной освящённой пище.

Но дома как такового мы не нашли. Только какие-то смутно различимые очертания под общей с соседской крышей. Что ж, ведь он после войны фактически оставался бесхозным, почему же и не воспользоваться брошенным добром? Отец мой умер в мае 41-го года, сёстры его повыходили замуж, и так получилось, что никто из близких после войны в родительский дом уже не вернулся. А на могилу нас про-

водила дальняя родственница, одна из немногих, увы, кто возвратился назад после бегства и эвакуации. Она-то со слов свидетелей-односельчан и рассказала нам, как это было.

Немцы вошли в посёлок в десятых числах июля. А через 2 дня всех остававшихся там евреев – не то 13, не то 15 человек – вывели за околицу, на опушку ближайшего леса. Заставили вырыть себе яму и на краю этой ямы и расстреляли.

И вот стоял я на том огороженном, без деревца, без кустика, пространстве – этаким Бабий Яр районного масштаба – и думал, что ведь и я мог бы лежать в этой могиле. Если б не дед, который в самую последнюю минуту достал лошадь и велел моей маме, не медля ни часа, уходить вместе с остальными. А сам остался.

В то лето мы с матерью и братом задержались в Москве против обычного и приехали в Сенно только к 20 июня. А 22-го началась война. И никакой организованной эвакуации из такого маленького местечка, как вы сами понимаете, не было – каждый уходил как умел. И непонятным казалось тогда, что опаснее: уходить под бомбежки, в неизвестность, или сложа руки сидеть и ждать. Но тёмные слухи о судьбе евреев на оккупированных территориях до Сенно уже достигали, и потому большинство жителей, посоветовавшись, решили уходить. Погрузили в одно утро на подводы детей, кое-какой домашний скarb и – с Богом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.